ЭВОЛЮЦИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ[1]

А. Н. Неверов

В статье представлена базовая концепция ноосферной эволюции социально-экономических систем. Автор последовательно отстаивает тезис о необходимости учета динамики внешней среды в моделях экономического развития. Исходя из синтеза теории ноосферы В. И. Вернадского и субъектного подхода С. Л. Рубинштейна предлагается выделение трех макропериодов экономического развития: экономики адаптации, экономики биосферы и экономики ноосферы. Обосновывается положение о том, что в настоящее время социально-экономическая система вступает в фазу экономики ноосферы.

Взаимовлияние человеческой деятельности и среды обитания всегда привлекало внимание ученых. Поэтому отнюдь не случайно, что за историю существования научного метода познания накоплено множество работ в той или иной степени затрагивающих эту проблему. В последние десятилетия трудно не заметить определенный всплеск интереса к ней: наиболее распространенными становятся исследования влияния техногенной и антропогенной среды на природную среду. При этом внимание ученых в данных работах концентрируется в основном на негативном воздействии результатов человеческой деятельности на окружающую среду. Не менее изучен и спектр проблем, связанных с влиянием среды (или точнее ограничений, ею накладываемых) на экономические и социальные процессы.

Однако по проблеме взаимовлияния совокупности экономических и психологических факторов на трансформацию окружающей среды работы практически отсутствуют. Более того, подспудно современная экономическая наука принимает окружающую среду как стационарное окружение экономической системы. Так, К. Маркс в своей теории общественно-исторических формаций описывал трансформации экономических отношений, исходя из собственности на средства производства, эволюция которых происходит как бы в рамках постоянной природной среды. В принципе, если говорить о классическом направлении в экономической науке, то весь цикл «производство — распределение — обмен — потребление» — то замкнутая цепь, движение которой по диалектической спирали осуществляется за счет эндогенного по своей сути закона возвышения потребностей. Эндогенность этого закона объясняется тем, что возвышение потребностей понимается как вызванное постоянным увеличением удовлетворения потребностей предыдущего уровня, базисом которого выступает уровень экономического развития, а не характеристики внешней среды. Между тем учеными, работающими в естественнонаучных областях, доказано, что внешняя среда (природа) постоянно трансформируется и не является неизменной. Экономисты это осознают (прежде всего, в виде исчерпания тех или иных видов ресурсов), однако воспринимают трансформацию скорее в качестве экстерналий, наносящих долговременный эконо-

[1] Работа выполнена в рамках проекта «Экономико-психологические механизмы инновационного развития России» по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» (Мероприятие 1.2.2).

мический ущерб, нежели в качестве фактора, влияющего на экономическое развитие. Так, в активно разрабатываемой в последние годы западными экономистами экономической теории взаимодействия поколений[1] ставится проблема «возможности разработки и осуществления такой политики в области использования природных ресурсов, которая позволила бы принимать сегодня дальновидные решения с учетом будущих поколений» [8, с. 223].

Определенный шаг в сторону учета природных трансформаций можно заметить в работах Й. Шумпетера, как известно, выдвинувшего на первый план экономической динамики предпринимательскую способность как способность к осуществлению новых комбинаций факторов производства. Однако трансформационный эффект от этих новых комбинаций пока остается за пределами экономической науки.

Между тем, очевидно, что поскольку экономика — это отношения людей по поводу производства, распределения, обмена и потребления благ и услуг (а последние выступают среди прочего в вещественной форме), то развитие экономики зависит не только от трансформации отношений людей, но и от изменения окружающей (природной) среды. При этом нельзя отрицать установленный Ж.-Б. Сеем почти двести лет назад факт, что человечество не может создавать предметы: «Масса материалов, из которых состоит мир, не может быть ни уменьшена, ни увеличена. Все, что мы можем делать, — это воспроизводить эти материалы в той форме, в которой они становятся пригодны для нашего употребления и которой они раньше не имели, или в той форме, в которой может увеличиться их полезность. Следовательно, тут есть создание, но не материи, а полезности, и так как эта полезность сообщает предметам ценность, то является производством богатства. Вот в каком смысле надо понимать слово “производство” в политической экономии... Производство не создает материи, но создает полезность» [7, с. 9]. Действительно, производство — это процесс трансформации исходного продукта, но не создания его. В то же время получаемый продукт уже не сводим к простой сумме его компонентов. Более того, трансформация материи есть процесс необратимый, дающий не только искомую полезность, но и меняющий качественное состояние самих исходных компонентов. Между тем современная экономическая наука воспринимает природу как вечный объект, служащий источником ресурсов, но при этом — неизменяемый в результате экономической деятельности. Или, говоря другими словами, природа воспринимается только источником полезности, а последствия извлечения данной полезности до недавнего времени никого не интересовали. Это наглядно свидетельствует о сохранении «потребительского отношения» экономической науки к окружающей среде, когда использование благ последней ограничивается только эгоистическими опасениями за свое будущее. Экологические проблемы наглядно продемонстрировали всю утопичность подобного антропоцентризма, доказав, что изменения в среде неизбежно вызывают и изменения в способах извлечения полезности, а следовательно, носят детерминирующий характер по отношению к экономическому развитию. Необходимость перехода к системному восприятию системы «экономика — окружающая среда», учитывающему взаимозависимость динамических процессов обоих компонентов, назрела. Ситуация, когда каждая отрасль науки воспринимает свою референтную область как динамическую, а области изучения других наук принимает за статические, не удовлетворяет потребностей практики. Да и для самой науки, находящейся в процессе перехода от стадии специализации к стадии интеграции это уже нельзя признавать в качестве стандарта. Именно поэтому в последнее время среди ученых все большее распространение получает утверждение, что в современном мире в принципе не существует какой-то одной, единой и универсальной детерминанты общественных процессов. Однобокий экономический детерминизм (выбранный в качестве основания К. Марксом и его последователями), характерный для советской гуманитарной науки, согласно этой точке зрения, искажает реальные взаимосвязи между экономической стороной жизни и другими сферами общества: социальными структурами, формами политической власти, духовной культурой.

Между тем школой «русского космизма» в начале XX в. был создан необходимый методологический фундамент, позволяющий решить вышеуказанную задачу. Академик В. И. Вернадский делает следующее эмпирическое обобщение: «Благодаря эволюции видов, непрерывно идущей и никогда не прекращающейся, меняется резко отражение живого вещества на

[1] См. работы Ф. П. Рамсея, Т. Сэндлера, П. Портни и др.

окружающей среде … процесс эволюции — изменения — переносится в природные биокосные и биогенные тела, играющие основную роль в биосфере… Эволюция видов переходит в эволюцию биосферы. Эволюционный процесс получает при этом особое геологическое значение благодаря тому, что он создал новую геологическую силу — научную мысль социального человечества. Мы как раз переживаем ее яркое вхождение в геологическую историю планеты. В последние тысячелетия наблюдается интенсивный рост влияния одного видового живого вещества — цивилизованного человечества — на изменение биосферы. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — в ноосферу» [1, с. 252]. Этот переход среды на геохимическом уровне из одного состояния в другое, вызванный ростом научного знания и вмешательства человека в объективную реальность уже не вызывает никаких сомнений и связывает схемы К. Маркса, Й. Шумпетера (построенную на предпринимательской способности) и Д. Белла (с его выделением фундаментальной науки как фактора современной экономики) с процессами трансформации среды, отмеченными нами выше.

Однако помимо учета трансформации окружающей среды, необходимо обратить внимание и на силу, инициирующую эти трансформации — экономических субъектов. При этом отталкиваясь от подхода выдающегося отечественного философа и психолога С. Л. Рубинштейна можно говорить об онтологии субъекта, о существовании его не только как инструмента познания, но и как реально существующей силы трансформации. Именно в таком ключе мы предлагаем рассматривать субъекта, что принципиально отличается от традиционных для современной экономической науки воззрений на субъекта как гносеологическую категорию.

Отмеченную необходимость косвенно подтверждают и все чаще упоминаемые в качестве механизмов улучшения экономических процессов психологические компоненты. К примеру, О. Н. Грабова в рамках своего диссертационного исследования, отнесенного к области экономических наук, предлагает использовать в качестве фактора повышения эффективности современного аграрного сектора экономики изменения в системе ценностей и мотивационной сфере за счет (среди прочего) «максимизации индивидуальной свободы и ответственности, автономии индивида, роста самосознания» [3]. Между тем ни в психологии, ни в экономике в настоящий момент не существует комплексной интегративной концепции взаимодействия субъектов, учитывающей вышеозначенные компоненты (ответственность, доверие, институты, знания, свободу и т. д.). В этой ситуации актуальной задачей становится построение позитивной теоретической концепции современной общественной реальности, которая позволит модифицировать как жизненные планы отдельных людей, так и нормативные показатели других субъектов социума в направлении новой области достижимости.

Дополнение концепции ноосферы субъектным подходом С. Л. Рубинштейна позволяет преодолеть нормативность выводов Вернадского. В большинстве своем современная наука обращает внимание на ноосферу как некое идеальное состояние, в котором человек живет в непротиворечивом единстве с природой. Однако нельзя забывать, что основные положения данной концепции формулировались в период господства представления о том, что человечество посредством роста знания о мире сможет господствовать над ним и преобразовывать его для достижения своих целей. Однако «созданная неопределенность», характерная для модерна в целом, но проигнорированная «верой в Разум», становится в современном обществе ключевой характеристикой всех аспектов социальной жизни и делает феномен риска фундаментальным элементом непосредственного опыта людей[1]. Мы, в свою очередь, несколько расширяя концепцию Э. Гидденса и его последователей, заявляем, что человечество действительно посредством роста знаний смогло преобразовать мир, и теперь он стал полностью неопределенным, поскольку сами знания относились к прежнему, непреобразованному миру. А новый мир, «человекотворный» — это новая реальность со своими законами и правилами. Однако в ней обязательно должны присутствовать, наравне с новыми, некие базовые закономерности, которые были просто не интересны исследователям в рамках прежней реальности. Ведь строительство нового мира началось не сегодня и не вчера, а с появлением субъекта — элемента, который и является основой преобразования.

Следовательно, до тех пор, пока мир сохранял в качестве доминирующего досубъектный

[1] См. подробнее [9].

миропорядок (биосферный, если исходить из терминологии В.И. Вернадского), закономерности мира субъектов находились на периферии научного поиска. Задача науки в предыдущий период, а наука всегда, как известно, выполняет запросы практики, была в понимании того, что подлежало преобразовать «на благо субъекту», а не в познании субъектнотворного мира, который представлялся далеким, абстрактным и потому идеальным. Особенно хорошо это видно в концепции В.И. Вернадского, которая действительно позволяет понять многое из происходящего сейчас, правда, если закрыть глаза на идеализацию ноосферы как сферы совершенства. Давно ведь известно, что разум — это умение делать ошибки, быть неидеальным, поэтому очень удивляет, почему ноосфера как сфера разума должна быть идеальной, устойчиво развивающейся? Мы предлагаем рассмотреть именно эти специфические закономерности субъектного взаимодействия, которые присутствовали всегда (рассмотрение их, в частности, можно заметить в трудах Аристотеля, Платона, Августина Блаженного, И. Ньютона, А. Бергсона и др.), но были, повторим, неактуальны для научного знания в силу его задач.

Действительно, современная наука с момента своего возникновения шла по пути объективации, т. е. стремления к вечности. Однако далеко не все сферы бессубъектны. Гуманитарная наука вообще, а экономика с психологией в частности, — это науки, рассматривающие поле деятельности субъектов, а значит — для них невозможна объективация. Она априорно изменяет суть рассматриваемых событий и процессов. Таким образом, стремление к объективации в рамках гуманитарного знания — это стремление к подмене объекта, и, как следствие, к инверсии науки. Гуманитарные науки (и здесь мы видимо, согласны с О. Шпенглером и И. Кантом) — это науки о субъектах, и, следовательно, науки о временности. В этом их главное отличие от естественнонаучного знания.

Очевидно, что науки, занимающиеся изучением отношений субъектов, к которым, безусловно, относится экономическая теория, с неизбежностью должны иметь в своем основании динамические процессы взаимопревращения субъектов и субъектного взаимодействия. Эти процессы, по нашему мнению, могут послужить основой для периодизации экономического развития, и, что гораздо более существенно, — для понимания процессов, связанных с современным и актуально-прогностическим состоянием экономического развития человечества. В отечественной научной традиции, как уже отмечалось выше, изучением субъектов занимается психология. Поэтому именно в интеграции методологического инструментария экономической и психологической наук, по нашему глубокому убеждению, лежит ключ к преодолению методологического кризиса, существующего в каждой из них, и самое главное — ключ к объяснению «новых» феноменов, которые не могут быть объяснены с точки зрения их изолированного существования (проблема рациональности поведения субъектов, виртуальные системы, информационный человек, семантика услуг, кросскультурные взаимодействия и т. д.). Тем более что уже давно представителями различных школ «философии хозяйства» (С.Н. Булгаков, П. Козловски, Г. Шмоллер и др.) одно из ключевых для экономики понятий — «хозяйственный порядок» представляется опирающимся на духовно-нравственное сознание народа. Рассматриваемый феномен при этом истолковывается не как совокупность индивидов, преследующих свои экономические интересы, а как «целостный субъект «хозяйства», объединенный внутренними морально-психологическими связями» [5]. Психологами также все более отчетливо осознается взаимосвязь экономических отношений и психологических процессов. Социально-экономическая реальность вынуждает согласиться и с выводами А.Н. Славской о том, что уровень технического прогресса создал противоречие между временем (темпом, скоростями информационно-технических средств и пространств) и индивидуальными возможностями человека. К затрате в процессе труда общественно необходимого времени, т. е. к проблеме производительности труда, прибавилась проблема «человеческой цены» этой производительности. Этот вывод все больше становится общим местом не только у психологов и экономистов, но и у представителей других областей гуманитарного знания. Поэтому выявление комплексных экономико-психологических факторов в динамике общественного развития и трансформации внешней среды — необходимый этап для объяснения происходящих в данное время процессов.

Согласно данным психологической науки, трансформационные возможности субъекта ог-

раничены как уровнем его субъектности, так и зоной приложения последней. Теоретически и эмпирически этот факт подтверждается и в работах сторонников гештальт-теории, что позволяет говорить об этом как об эмпирическом обобщении. В связи с этим можно выделить зону преимущественной субъектной активности — зону трансформации. Причем данная зона совпадает по своим объемам со сферой актуальных потребностей общества, а значит, в той ее части, которая требует извлечения полезности, может быть обозначена как экономическая. Исходя из концепции благ К. Менгера, подразделяющей экономические блага на уровни относительно отдаленности от непосредственного удовлетворения [6], и понимания разума человека как способности к опережающему отражению можно разделить вышеуказанную зону трансформации на ряд «субзон»: зону извлечения полезности, зону поиска ресурсов, зону формирования потребностей и т. д. Все эти названия крайне условны и требуют самостоятельного анализа, однако разделимость общей зоны трансформации на различные компоненты сомнения не вызывает. Крайне важным в этой связи обстоятельством выступает то, что обобщенно зона трансформации представляет собой зону осознанной человечеством проблемы.

Таким образом, в каждый конкретный момент времени трансформационная активность человечества в лице субъектов различного уровня распределена неравномерно. Более того, можно с большой степенью достоверности определить, в какую часть реальности она будет перераспределяться. Мы предлагаем обозначить зону преимущественной активности человечества как зону акцента. Именно эта зона привлекает ту часть населения планеты, которую Й. Шумпетер назвал предпринимателями[1], а Л. Н. Гумилев — пассионариями [4].

Именно в соответствии с зонами акцента экономической активности мы предлагаем выделить три стадии: экономику адаптации, экономику биосферы, экономику ноосферы.

Экономика адаптации была основана на трансформации возможностей человека по выживанию в природной (изначальной) среде и должна была закончиться с достижением приемлемого уровня существования, одновременно с накоплением субъектности.

Экономика биосферы — период, в конце которого мы сейчас находимся и который связан с трансформационной активностью, направленной на преобразование внешней среды — биосферы, результатом чего является создание «второй природы» — ноосферы.

Экономика ноосферы — период, когда трансформационная активность человечества преимущественно направляется на изменение «второй природы» и адаптацию к ней.

По нашему глубокому убеждению, развитие технологий шестого технологического уклада [2], и прежде всего, нанотехнологий — это завершающий аккорд экономики биосферы и одновременно с этим первый шаг ноосферной экономики. Как известно, нанотехнологии — это осмысленные последовательности операций с нанообъектами (т. е. объектами с размерами 100 нм), направленные на получение полезной продукции.

Согласно аналитическому обзору, подготовленному в конце 2007 г. Ростехрегулированием, предполагается, что к 2020 г. нынешние возможности нанотехнологии эволюционируют в четыре различных параллельных разновидности продуктов и процессов: пассивные наноструктуры, активные наноструктуры, наносистемы с трехмерными свойствами и неоднородные молекулярные наносистемы. Причем если в первые годы XXI в. исследования проводились главным образом с использованием компонентов наномасштаба, то в настоящее время наблюдается движение в направлении использования активных наноструктур и наносистем, молекулярной и системной биологии в медицине в комплексе с изменениями основных принципов разработки электронного оборудования и улучшения свойств материалов.

Многие эксперты считают важнейшей основой становления нового технологического уклада создание и обеспечение функционирования различных наномашин, или так называемых ассемблеров. Ассемблеры, машины, обладающие двумя основными свойствами — производить некую работу (в чем они совершенно сходны с обычными машинами) и возможностью самокопирования (в чем они принципиально от них отличаются). В этих условиях становится возможным автоматическое поддержание «второй природы» с минимальными усилиями со стороны человека, а значит, высвобождение труда и трансформационной активности от процес-

[1] См.: Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2007.

сов трансформации биосферы. Одновременно с этим произойдет (начало этому мы уже можем наблюдать) смена зоны акцента.

Особым обстоятельством, на которое обычно не обращают внимания, выступает то, что по мере развития нанотехнологий существенно расширится степень трансформационных возможностей человека и по сути будет завершен процесс построения «второй природы», качественно изменяющий характер самой жизнедеятельности человека.

Поэтому, несмотря на то что допущение, что природа есть неизменный по своему содержанию объект (т. е. абстрагирование от трансформации объекта субъектом), было достаточно понятно в творчестве К. Маркса, при добавлении в концептуальную схему данного ученого изменения объекта, а не только присвоения его атрибутов субъектом, процесс социально-экономического развития обретает новое содержание. В таком случае становится возможным понимание того, что «вечные» экономические законы имеют определенную грань, когда они явственно меняют свою форму, а иногда и себя. Причем эта грань расположена на этапе перехода количественных изменений среды жизнедеятельности в качественные ее характеристики, настолько отличные от характеристик прежней, что общей в их взаимосвязи выступает только категория субъекта (человечества), а точнее, ее законы. Однако в соответствии с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей, и постоянство субъекта — это также иллюзия, поскольку по мере трансформации им объекта он также трансформируется. Более того, трансформация самого субъекта, очевидно, происходит за значительно более короткий промежуток времени, чем средовых характеристик.

И здесь, по нашему глубокому убеждению, крайне актуальным становятся несколько эмпирических обобщений академика В. И. Вернадского относительно трансформации среды жизнедеятельности человека [1]. Из этих обобщений вытекает вывод о том, что по мере развития научной мысли человечества вышеуказанная нагрузка на природу с неизбежностью приведет к переходу количества (объема антропотворной нагрузки) в качество (создание новой среды жизнедеятельности). Надо сказать, что превращение науки в движущую силу экономического развития было предсказано К. Марксом, а начиная с работ Д. Белла и Й. Шумпетера является одним из основных признаков так называемой «постиндустриальной экономики» и сейчас подтверждается реальностью. Причем это изменение внешней по отношению к социуму среды накладывает серьезные изменения на сам цикл «производство — распределение — обмен — потребление», а значит, и на требования, предъявляемые к конкретной национальной экономике.

В чем же заключается этот переход?

Одним из основных моментов, в которых он проявляется, выступает стирание цивилизационных границ в формировании целевых установок развития человечества (наиболее ярко это проявляется в так называемом экспорте демократии) и человека (общие фильмы, владение более чем одним иностранным языком и т. д.). Этот процесс происходит одновременно с обострением конфликтов в зонах цивилизационных разломов и обычно обозначается термином «глобализация». По-видимому, центральное место в этом процессе отводится качественному последовательному преобразованию экономической системы в направлении от биполярной (плановая — рыночная) к многополярной (превращение вышеуказанной биполярности к появлению континуума, в котором крайние точки выступают абстракциями и в реальности не существуют), а затем — к становлению рынка национальных экономик. Надо сказать, что конкуренция на этом рынке уже идет, и идет она за энергетические ресурсы и обладателей больших объемов человеческого капитала.

Вторым моментом выступает кардинальное изменение среды существования человека, определяющее его биологическую и социальную мутацию (вызванную необходимостью адаптации к ней). Важной характеристикой данной среды выступает ее искусственность, проявляющаяся в необходимости постоянной затраты энергии и ресурсов на ее поддержание. Однако наряду с этим ряд элементов этой среды постепенно превращаются в естественные (т. е. не нуждающиеся в поддержании) и тем самым воздействуют на процесс извлечения полезности (выступающий основной задачей экономической сферы), меняя сам источник ее извлечения. Этим во многом и определяется вышеозначенный процесс обострения конкуренции за ресурсы поддержания ноосферы, прежде всего, энергетические и человеческие. Поскольку изменение среды оказывает влияние на самого человека, вызывая

его, в том числе, биологические и психологические мутации, то происходит и трансформация структуры потребностей и изменение средней продолжительности жизни и т. д. В этих условиях догоняющее развитие — это тупик, приводящий национальную экономику к построению дезадаптивной относительно внешней среды и собственного населения модели.

Какие же моменты необходимо учитывать при определении стратегии модернизации экономики России в условиях становления ноосферы?

Во-первых, учитывая, что повышенной адаптивностью среди всех видов ресурсов обладают человеческие, необходимо развивать систему отечественного образования, причем с основным акцентом на развитие научного мировоззрения, поскольку в условиях ноосферы не только сам процесс извлечения полезности подчиняется воздействию науки, но и процесс потребления (и жизнедеятельности) зависит от способностей потребителя к оценке результатов этого воздействия.

Во-вторых, международное разделение труда, по всей видимости, уже в ближайшие десятилетия станет включать не только интеллектуальный центр (изобретающий новые способы извлечения полезности) и ресурсную периферию (создающую основу для поддержания среды и экономического творчества центра), но и специализацию внутри центра — создание идей и производства человеческого капитала.

Кроме того, необходимо уже сейчас провести комплексную прогностическую оценку развития нанотехнологий и его воздействия на жизнедеятельность человека. К сожалению, в настоящее время преобладают лишь оптимистические предсказания самих нанотехнологов и ожидание прибылей, а комплексная психолого-экономическая оценка развития нанотехнологий, анализ экстерналий этого процесса и даже изменение правил игры на мировом рынке пока не попадают в сферу интересов как отечественной науки, так и государства. Между тем проблема коммерциализации инноваций, всегда стоявшая перед нашей страной крайне остро, учитывая вышеотмеченный качественный скачок в ближайшем будущем, может быть решена только в случае проведения экономических и психологических исследований в этой области уже сейчас. Только в этом случае наша страна сможет перейти от догоняющего развития к статусу мирового лидера.

Поэтому подводя итог данной работе, отметим, что наблюдаемый нами сейчас переход от одной среды обитания (биосферы) к другой (ноосфере) ставит новую задачу перед экономической наукой, да и перед наукой вообще — перепроверки законов и закономерностей в условиях качественно новых внешних условий, и обязательным ответом на данную задачу выступает качественно новое построение самого здания науки, выполнившего функцию преобразования природы, для того чтобы стали возможны выполнение функции адаптации человека к ноосфере и минимизация негативных ее моментов.

Список источников

1. *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. — М.: Айрис-Пресс, 2004.

2. *Глазьев С. Ю.* Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике [научный доклад]. — М.: НИР РАН, 2008.

3. *Грабова О. Н.* Динамика экономических отношений: автореф. дисс… д-ра экон. наук. — Кострома : КГУ, 2007.

4. *Гумилев Л.* Этногенез и биосфера Земли. — М., 2005

5. *Кизилова Н. М.* Философия экономики. Методология обоснования экономической рациональности : автореф. дис… д-ра филос. наук. М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2006.

6. *Менгер К.* Основания политической экономии. — М., 2000. [Электронный ресурс]. URL://http://e2000.kyiv.org.

7. *Сей Ж.-Б.* Трактат по политической экономии. — М.: Дело, 2000. [Электронный ресурс]. URL://http://e2000.kyiv.org.

8. *Сэндлер Т.* Экономические концепции для общественных наук. — М.: Весь мир, 2006. — 376 с.

9. *Фурс В. Н.* «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Социологический журнал. — 2001. — №1.

10. *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. — М.: Эксмо, 2007.

УДК 330.15

ключевые слова: ноосфера, окружающая среда, экономическое развитие